

Научная статья

УДК 343.241

doi: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).4.516-537

ИНТЕГРАТИВНАЯ ТЕОРИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

Константин Викторович Корсаков¹

¹ Институт философии и права Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург, Россия, korsakovekb@yandex.ru

Аннотация. В публикации представлена новая теория уголовного наказания как итог осмысления с опорой на выработанное наукой знание этого важного, сложного и многогранного социально-правового явления. Новая концепция носит название интегративной, так как эта пенологическая модель относится к классу синтетических (смешанных, соединительных, комбинированных, гибридных) теорий уголовного наказания: она объединяет и примиряет абсолютные и относительные доктрины наказания и представляет собой один из вариантов компромиссного сочетания ретрибутивистского и консеквенциалистского подходов к уголовному наказанию. В ней выделено общее основание наказания и охарактеризовано часто выделяемое в пенологической науке так называемое право наказания (*jus puniendi, diritto di punire*). Отмечено, что в текущий период в общественной жизни нет условий, указывающих на возможность отказаться от института уголовного наказания в обозримом будущем. Подчеркивается, что сущность уголовного наказания составляет возмездие, однако, ввиду большого числа интерпретаций данного понятия, указывается, что его следует понимать как должностное соразмерности уголовного наказания преступлению. Показано, что идея возмездия прочно укоренена эволюцией в этических, психологических и ментальных пластах человеческой цивилизации и что ценность идеи воздающей справедливости (соответствия) наказания заключается в том, что она оберегает карательную сферу от размытия границ и лимитов, произвола, злоупотреблений и различного рода излишеств в лишении и ограничении прав наказываемых. Сделан вывод о том, что в рамках устанавливаемых принципом возмездия высшей и низшей границ наказания утилитарные (прагматические) цели генеральной и частной превенции без ущерба для этого принципа не только могут, но и должны преследоваться, раскрывая тем самым весь потенциал института уголовного наказания. Аргументируется, что под изменения ценностных эталонов в сфере определения соответствия уголовного наказания преступлению по мере социально-культурного развития и цивилизационного прогресса государство подстраивает внешние формы и содержание уголовного наказания (изменяет его виды, размер, интенсивность, условия исполнения и пр.), а потому его способы постепенно смягчаются по мере общественного и морального прогресса. Высказана точка зрения относительно давно вызывающего дискуссии и споры сложного вопроса

© Корсаков К. В., 2025

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

об определении меры и низшего и высшего пределов уголовного наказания. Резюмируется, что, придерживаясь и соблюдая принцип соразмерности (соответствия), необходимо стремиться к достижению всего многообразия утилитарных целей уголовного наказания, включая задачи обезвреживания (нейтрализации угрозы), морального (внутреннего, этического) исправления и так называемого юридического (внешнего) исправления преступника, результаты реализации которых образуют в мировой пенологии известную триаду: *non potest – non vult – non audeat* (не может – не хочет – не смеет).

Ключевые слова: уголовное наказание, пенологические теории, сущность уголовного наказания, цели уголовного наказания, принципы уголовного наказания, предупреждение преступного поведения, возмездие, уголовная репрессия, аксиологические аспекты наказания, оправдание наказания

Для цитирования

Корсаков К. В. Интегративная теория уголовного наказания // Человек: преступление и наказание. 2025. Т. 33(1–4), № 4. С. 516–537. DOI: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).4.516-537.

Original article

INTEGRATIVE THEORY OF CRIMINAL PUNISHMENT

Konstantin Viktorovich Korsakov¹

¹ Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia, korsakovekb@yandex.ru

Abstract. The publication presents a new theory of criminal punishment as a result of a scientific understanding of this important, complex and multifaceted socio-legal phenomenon. The new concept is called integrative, as this penological model belongs to the class of synthetic (mixed, connective, combined, hybrid) theories of criminal punishment.: It unites and reconciles the absolute and relative doctrines of punishment and represents one of the options for a compromise combination of retributionist and consequentialist approaches to criminal punishment. It highlights the general basis of punishment and characterizes the so-called law of punishment (*jus puniendi, diritto di punire*), which is often highlighted in penological science. It is noted that in the current period of time in public life there are no conditions indicating the possibility of abandoning the institution of criminal punishment in the foreseeable future. It is emphasized that the essence of criminal punishment is retribution, however, due to the large number of interpretations of this concept, it is indicated that it should be understood as the proportionality of criminal punishment to the crime. It is shown that the idea of retribution is firmly rooted by evolution in the ethical, psychological and mental strata of human civilization and that the value of the idea of justice (conformity) punishment lies in the fact that it protects the punitive sphere from blurring boundaries and limits, arbitrariness, abuse and various kinds of excesses in depriving and restricting the rights of the punished. It is concluded that, within the framework of the higher and lower limits of punishment established by the principle of retribution, the utilitarian (pragmatic) goals of general

and private prevention, without prejudice to this principle, can and should not only be pursued, thereby revealing the full potential of the institution of criminal punishment. It is argued that, as socio-cultural development and civilizational progress progress, the state adjusts the external forms and content of criminal punishment (changes its types, size, intensity, conditions of execution, etc.) to changes in value standards in determining the conformity of criminal punishment with crime, and therefore its methods gradually soften with social and moral progress. A point of view has been expressed regarding the long-debated and controversial complex issue of determining the measure of both the lowest and highest limits of criminal punishment. It is summarized that, adhering to and observing the principle of proportionality (conformity), it is necessary to strive to achieve the full variety of utilitarian goals of criminal punishment, including the tasks of neutralizing (neutralizing the threat), moral (internal, ethical) correction and the so-called legal (external) correction of the criminal, the results of which form a well-known triad in world penology: non- potest – non vult – non audeat (can't – won't – dare).

Keywords: criminal punishment, penological theories, the essence of criminal punishment, the goals of criminal punishment, principles of criminal punishment, prevention of criminal behavior, retribution, criminal repression, axiological aspects of punishment, justification of punishment

For citation

Korsakov, K. V. 2025, 'Integrative theory of criminal punishment', *Man: crime and punishment*, vol. 33(1–4), iss. 4, pp. 516–537, doi: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).4.516-537.

В настоящее время в мировой пенологической доктрине продолжают присутствовать тенденции противопоставления традиций ретрибутивизма и консеквенциализма, а равно абсолютных и относительных (утилитарных) подходов к уголовному наказанию. На якобы неустранимые коллизии между этими группами теорий указывалось еще на рубеже XX–XXI веков, в частности, Й. Геймбергер писал: «В этой борьбе мнений лишь только два понятия оказались главным образом жизнеспособными, и оба они стоят в известном друг к другу противоречии. Возмездие и целесообразность – два слова для обозначения обоих направлений...» [1, с. 8]. В условиях активного распространения в современном социуме гносеологического детерминизма и релятивизма подходы и принципы консеквенциализма в пенологии и уголовном праве продолжают сохранять свои позиции, однако в целом, как верно заметили Р. Э. Дафф и Д. Гарленд, «в последние десятилетия XX века произошел отказ от консеквенциалистских идей и возврат к ретрибутивистской идеологии. Тезис о «заслуженном возмездии» вновь обрел популярность и стал главным обоснованием наказания, а самые прогрессивные философы занялись переформулированием ретрибутивистских и иных non-консеквенциалистских теорий» [2, с. 19]. В наши дни одним из наиболее заметных лидеров ретрибутивистского течения в пенологии по-прежнему является шведско-британский ученый-пенолог А. фон Хирш, который доказывает приоритет идеи о том, что все преступления должны наказываться соразмерно их тяжести и опасности, над утилитарно-прагматическими целями исправления и предупреждения новых преступлений.

Начиная с середины XX столетия в науке делаются решительные попытки объединения консеквенциалистских теорий и модели возмездия, одну из них предпринял

известный английский философ и теоретик права Г. Харт [3]. Мы также считаем, что состыковать на компромиссных началах и консенсусно синтезировать абсолютные и относительные концепции уголовного наказания вполне возможно, поэтому нами была разработана теория уголовного наказания, названная интегративной и выступающая примиряющим синтезом, компромиссным сочетанием ретрибутивистского и консеквенциалистского подходов к уголовному наказанию. Предлагаем ознакомиться с данной не претендующей на универсальность и гегемонию концепцией.

Уголовное наказание – это основной принудительный ресурс уголовного права – отрасли публичного права, которая охраняет общество от нарушений установленных в нем поведенческих запретов, защищает правовые блага от посягательств на них. Посредством уголовного наказания социум обеспечивает свое существование (самосохранение), сложившиеся и воспроизводящиеся в нем общественные отношения (социальные связи), а равно права, свободы и законные интересы составляющих его индивидов. Эта неизбежная потребность общества обуславливает социальный характер наказания как явления и институционализирует его, превращает в важнейший и устойчивый социальный институт, призванный охранять как общество в целом, так и существующий в нем законный государственный строй, предупреждать преступные деяния, обеспечивая жизнеспособность социума, поэтому уголовное наказание вполне можно охарактеризовать как одно из средств общественного выживания.

Самозащита общества от посягающих на условия его существования преступлений ведется не беспорядочно и стихийно и не за счет абсолютно любых, произвольно выбираемых приемов, способов и средств, а в упорядоченных формах, задаваемых и наполняемых правом, нравственностью, религией и другими нормативными системами. Одной из таких форм является уголовное наказание. Из общего основания уголовного наказания – необходимости противодействия преступному поведению во имя сохранения общества и установленного в нем социального порядка (общественного уклада) – логичным и естественным образом вытекает принадлежащее государству как суверенной форме публичной власти, хранителю и защитнику общества право наказания (*jus puniendi, diritto di punire*), которое включает в себя правомочия устанавливать уголовные наказания за преступления, налагать и исполнять их (так как термин *jus puniendi* в науке неоднозначен, наполнялся различными смыслами и вопрос о нем решался по-разному: от положительного разрешения в рамках пенологии (И. Я. Фойницкий) и отнесения его исключительно к государствоведению (Э. Я. Немировский) до полного отрицания возможности постановки вопроса о субъективном праве наказания, предшествующем и не вытекающем из объективного права (С. В. Познышев). Подчеркнем, что в данном случае нами ведется речь не столько о появлении такого (близкого в настоящем контексте к одной из функций государства) права в субъективном смысле и его этическом оправдании, сколько о легитимации этой способности политической власти, то есть обретении ей легитимности (признании, подтверждении, принятии и одобрении данной возможности), о том, что позволяет перевести охранительную функцию в плоскость объективного права: этот потенциал легитимирует социальная необходимость). Посредством уголовного наказания государство оберегает и сохраняет условия существования общества и его духовно-материальные формы деятельности, целостность и сохранность которых выступают залогом как общественного прогресса, так и развития отдельного человека как социального существа.

В современной действительности такое право представляет собой исключительное право единственного официального представителя всего общества – выделившегося из общества и управляющего им государства, так как только оно с его механизмом воздействия способно в полной мере обеспечивать сохранность и целостность условий жизнедеятельности социума, поддерживать общественный порядок, включая его важную составляющую – правопорядок, и выступать гарантом безопасности общества. Человеческой истории не известны общества и ассоциации людей, функционировавшие без наказания (даже в общинах, колониях и коммунах утопистов («Новая Гармония» отрицавшего право наказания на существование Р. Оуэна, располагавшиеся в фаланстерах фаланги последователей Ш. Фурье и др.), программно-идеологически и официально отказавшихся от применения наказаний, по факту использовались такие их виды, как порицание и удаление (изгнание) из них нарушителей и несогласных с их правилами).

В текущий период в общественной жизни не имеется условий и предпосылок, указывающих на возможность отказаться от института уголовного наказания в обозримом будущем, как и полной его замены на иную предупредительную систему (модель) (то, что этот момент пока еще далек, косвенно подтверждает законодательный отказ от употребления таких закрепляемых ранее в качестве наказания и имеющих моральную подоплеку средств, как выговор, общественное порицание, внушение и пр., а также отход в большинстве стран мира от использования популярных в XX в. мер социальной защиты (общественной обороны) некарательного плана). Однако это не исключает веру и надежду на наступление когда-нибудь в далеком будущем «царства» этики (морали) или эпохи, которую термидорианцы во Франции называли «эрой милосердия», когда социальные нормы будут исполняться без угроз наказанием либо под угрозой иных, гораздо более мягких и некарательных правоохранительных мер воздействия. Именно общественная необходимость (также нередко описываемая в пенологии как органическая (естественная) социальная потребность, извечная общественная нужда и пр.), связанная в наши дни и с сохраняющейся явной недостаточностью иных мер (духовно-нравственных, воспитательно-педагогических и пр.) для предупреждения преступного поведения, полностью оправдывает существование уголовного наказания (часть ученых (Ж.-Р. Гарро, А. Ф. Кистяковский, Ж. Л. Э. Ортолан, Т. Р. Шютце и др.) считала, что общие основания наказания и право наказывать не нуждаются ни в каком оправдании и доказывании, так как они очевидны, рациональны, обусловлены законами жизни и подтверждены длительным временем существования человечества). Она же по мере эволюционного развития морали сформировала ему прочный моральный фундамент и опосредовала его помещение в ряд нравственных абсолютов – образцов и норм поведения, требующих обязательного использования в общественной жизни: социальная необходимость порождает и дополняется в наказании его нравственной необходимостью – жизненно необходимое для общества переходит в сферу должного, то есть нравственного, получает твердое нравственное оправдание и становится морально необходимым (используя терминологию уголовного права, отметим, что с позиций некоторых современных систем морали уголовное наказание не столько нравственно необходимо, сколько используется обществом в условиях моральной вынужденной крайней необходимости).

Будучи насущно необходимым, соответствующим социальной реальности, биотической действительности и подтверждаемым моральными нормами, наказание воспринимается в обществе как должное, целесообразное, всякий раз заслуженное, справедли-

вое. В связи с этим правильной, по нашему мнению, расстановкой слов во фразе, отражающей эпицентр спора пенологов-абсолютистов и консеквенциалистов (утилитаристов), будет следующая: уголовное наказание не потому необходимо для общества, потому что оно разумно (рационально) и справедливо (морально оправдано), – уголовное наказание потому разумно (рационально) и справедливо (морально оправдано), потому что оно социально необходимо. Между тем в феномене наказания справедливость не находится в каком-то подчиненном положении по отношению к его общественной полезности (целесообразности, рациональности), и она не должна, как это не раз делалось в пенологии, противопоставляться последней либо разобщаться с ней в уголовном наказании. Эти два начала присутствуют одновременно, они не образуют никаких неустраняемых противоречий и коллизий и взаимодополняют друг друга: уголовное наказание может и должно быть совокупно справедливым и целесообразным. Уголовное наказание, вне сомнения, не сводится к некоей расплате за содеянное, преследование практических (утилитарных) целей для него обязательно, но оно должно осуществляться не любой ценой и не за счет любых средств, а в формах и пределах, отвечающих общесоциальным этическим представлениям о справедливости.

Для каждого современного и подчиняющегося требованиям общественной безопасности государства наказание преступников как часть системы предупреждения преступлений и механизма охраны и защиты прав и свобод граждан от нарушений и посягательств является обязанностью, долгом (перед обществом и его членами), что не только соответствует и согласуется с нормами ст. 2, 45 Конституции Российской Федерации, согласно которым защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства, а государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется, но и отвечает общим закономерностям социально-политической жизни: отказ от преследования и наказания преступников со стороны государства грозит как засильем преступности, бесправием, социальной дезорганизацией и хаосом, так и анархией, прекращением существования такого государства, его разложением или заменой другой формой публичной власти. При этом уголовное наказание, безусловно, не является панацеей от преступного поведения, оно не может и не должно быть единственным и универсальным средством противодействия преступности (в этом процессе должен быть задействован весь имеющийся у общества и допускаемый моралью и правом арсенал эффективных и результативных мер от воспитательно-педагогических до инженерно-технических, включая общесоциальные меры, направленные на повышение уровня социально-экономического благополучия).

Уголовное наказание – это самая крайняя, последняя мера (*ultimum remedium*), которая не должна применяться, если другие средства, например, менее строгие юридические меры (административные, дисциплинарные, «полицейские» и т. п.) или меры моральной (нравственной), религиозной, корпоративной и иной социальной ответственности, достаточны и эффективны для предупреждения криминального поведения. Факт установления за какое-либо правонарушение уголовного наказания (пенализация) означает, что представляющая общество государственная власть считает данное нарушение в текущий момент наиболее вредоносным и опасным для общества и для себя.

Сущность уголовного наказания составляет возмездие, но [следуя древнему латинскому выражению *Verba debent intelligi cum effectu ut res magis valeat quam pereat* (слова следует толковать с таким результатом, чтобы они имели действие, а не теряли смысла)] его следует понимать не в абсолютистской пенологической традиции (К. Ф. Т. Хепп,

К. Р. Кестлин и др.) как уничтожение (или, как часто встречается в пенологической литературе, отрицание, ликвидацию, стирание, погашение, заглаживание и пр.) преступления, так как уже совершившееся, произошедшее в прошлом событие уничтожить, стереть, погасить и ликвидировать невозможно (это можно сделать лишь с порожденными им материальными и нематериальными последствиями, причем далеко не всегда и не только путем взыскания и возмещения, но и путем примирения и прощения, которые к уголовному наказанию отношения не имеют); не как месть со стороны государства преступнику (Ю. Варга, Г. Зейферт и др.), так как месть лишена императива соразмерности, равноценности и нередко содержит «карательный коэффициент». К тому же месть основана на гнев, обиде, неприязни либо ненависти к преступнику – человеческих страстях, нередко заглушающих требования этики и справедливости, тогда как возмездие может быть вполне совместимо с проявлениями сострадания и сочувствия виновному, оно не сиюминутно, надситуативно (не относится к классам *ad hoc* и *ad libitum*), ригористично и требует не страдания, а справедливого соответствия в рамках процедур правосудия [примером отличия возмездия от мести и кары может служить библейский сюжет о Симеоне и Леви, которые, решив осуществить возмездие за изнасилование их сестры Дины, нарушили при этом принцип соразмерности и превратили его в безмерную кару и слепую месть, в результате чего их отец Иаков назвал их мечи «орудиями жестокости» и проклял «гнев их, ибо жесток, и ярость их, ибо свирепа» (Книга Бытие, 49.5-7)]; не как искупление преступником вины (очищение) или его расплату (страдание, боль) за содеянное (И. Колер, Ф.В. Ферстер и др.); не как кару (В. К. Дуюнов, А. Е. Наташев и др.), вынужденное (позитивное, социальное) зло (Д. Баттальяни, К. Янка и др.) или же акт необходимого насилия (Ф. Аллфельд, И. И. Карпец и др.); не как удовлетворение (сатисфакция) государством частного и общественного «чувства мстительности» (или выпуск «социального гнева») (Э. Р. Бирлинг, Г. Ламмаш и др.); не как восстановление нарушенного права (так как уголовное наказание – это не гражданско-правовая реституция и оно может только лишить или ограничить какое-либо право самого делинквента за его нарушение и ущемление чужого права, тем самым подтверждая наличие, ценность и юридическую охрану последнего, но не может его восстановить (если под таким восстановлением понимать заглаживание преступного вреда, например, устранение негативных материальных последствий преступления путем возмещения убытков, компенсации ущерба и т. д., то законодатель небезосновательно относит это к сфере гражданского права и процесса, а не уголовного права, а идеальный вред от преступления крайне трудно поддается фиксации и расчету и преимущественно невознаградим), как, например, лишение свободы или смертная казнь не могут восстановить право на жизнь людям, убитым преступниками), а как соотнобразовывающееся с необходимостью утверждения права (поддержания существующего правопорядка и авторитета закона (так как безнаказанно попираемый закон лишается авторитета), чувства уважения к закону) и основывающееся на общечеловеческой морали и базовых, вневременных представлениях о справедливости долженствовании (это слово лучше всего подходит для описания (нежели слова «требование», «кондиция», «императив» и др.), так как оно означает «необходимость чего-либо, вытекающую из нравственного закона» [4, с. 756]) соразмерности (соответствия, эквивалентности) уголовной репрессии ее правовому основанию преступлению. Данная соразмерность определяется с опорой на текущую культурно-историческую, морально-нравственную и социально-политическую оценку качественно-количественных параметров преступного деяния, размера причиненного

вреда, значимости объекта посягательства, формы вины, личностных особенностей субъекта преступления и т. д.

Подчеркнем, что общие требования справедливости к уголовному наказанию не исчерпываются соразмерностью: помимо последней они также предусматривают, что уголовное наказание должно следовать только за преступление и применяться только к виновному в нем. Отметим также, что, так как основанием права наказывать выступает необходимость сохранения (оберегания) общества и установленного в нем правопорядка (а не следование императивам абсолютного духа или абсолютного разума), уголовное наказание при выражении своей возмездной сущности на практике в то же время нацеливается и на исправление преступников для нейтрализации той опасности, которая исходит от них, проявляется в их поведении и угрожает обществу (эта нейтрализация тоже является атрибутом и элементом защиты социума).

Возмездная сущность наказания не предполагает и не требует, чтобы содержание (свойства) конкретного наказания было сходно с содержанием (свойствами) совершенного преступления (стремление обеспечить такое соответствие приводило в ранние эпохи к сожжению имущества либо сжиганию заживо самих поджигателей, а в более поздние – к наложению на них наказания в виде общественных (обязательных, бесплатных) работ по тушению пожаров или же охране чужого ценного имущества). Так, лишение свободы как ценностный карательный эквивалент может применяться за насильственные преступления и за корыстные, за умышленные преступления и за совершенные по неосторожности и т. д. Возмездная сущность наказания не предполагает и не требует, чтобы абсолютно за каждое, без исключений, преступление следовало наказание, уголовное наказание может не применяться в связи с условным осуждением, истечением сроков давности, помилованием или амнистией как проявлениями милосердия и гуманизма со стороны органов государственной власти и т. д.

Именно принцип возмездия отличает наказание от мести и расправы, наделяет наказание должной соответствующей содеянному мерой и препятствует ее произвольному определению (вне соотношения с параметрами преступления) либо отказу от всякой меры, именно он задает рамки, лимиты уголовного наказания, его нижний и верхний пределы (минимум и максимум), нарушение которых повлечет за собой несправедливость (приведет к карательной недооценке (снисхождению, поблажке, потачке и пр.) либо карательной переоценке (чрезмерной репрессии, расправе, мести и пр.) на весах правосудия). При этом важно, чтобы не только общество и потерпевшие, но и сам преступник внутренне осознавал справедливость карательной меры (это имеет большое значение для его исправления, в особенности нравственного (внутреннего), признаком которого является раскаяние и порицание наказанным совершенного им злодеяния). Не секрет, что большинство преступников внешне выражает мнение, что их наказали несправедливо, строже и суровее, чем следует, однако внутри они четко и в полной мере сознают и также с позиций социального большинства оценивают справедливость наказания (так, перед ликом смерти распятый библейский разбойник раскаялся и сказал другому, что они оба «осуждены справедливо, потому что достойное по делам приняли» (Евангелие от Луки, 23.41), в отличие от Иисуса Христа, который ничего плохого не сделал).

Обозначенная выше сущность имеет не только практическую, но и субъективную интеллектуально-чувственную основу. Так, эволюционно развившийся из психологических и социальных условий жизни человеческий «внутренний голос» – совесть (именно ее затрагивают и вызывают тем самым чувства раздражения и протеста как не возна-

гражданное по справедливости благое дело (честный труд, большая заслуга и пр.), так и оставшееся без возмездия злое, преступное деяние) и человеческий рассудок (в нем на уровне общих начал и категорий также запечатлено рациональное стремление по-добающе воздавать и благодарить за добро и соответствующе отвечать, отрицательно реагировать на зло) указывают, что несоразмерное преступлению уголовное наказание несправедливо. Однако речь в данном случае ведется не о выводящейся из сверхопытных составляющих разума и каких-либо априорных этических начал абсолютной (высшей, космической, трансцендентной, метафизической и пр.) справедливости, отражение сути и преследование которой, думается, под силу лишь Абсолюту (Богу, якобинскому Верховному Существованию (*l'Être suprême*), живой мировой душе (абсолютному духу), разумной природе, единой самотворящей мыслящей субстанции и т. д.), а не человечеству, пенитенциарной практике и возможностям современного общества, а о посясторонней, имеющей эмпирическое начало и имманентной духовно-нравственному существованию и этическому сознанию человека справедливости.

Мы считаем, что справедливость как базовая категория морального сознания имеет социальную и эволюционную природу, как и нравственность в целом: ее социальные корни и общественная сущность были убедительно доказаны в фундаментальных исследованиях О. Г. Дробницкого и академика РАН А. А. Гусейнова. Нравственные идеи и представления о справедливости постепенно сформировались по мере развития и усложнения социальных отношений (их степень должна была быть довольно существенной, так как сообщества горилл и других высших приматов обладают сложно организованной социальной структурой, однако в них нет институтов и явлений морали, нравственности, справедливости, совести и стыда [который также не врожден и априорен, а появился и развился у людей эволюционным путем – в его основе лежал страх несоответствия общественным нормам и социального отвержения (избегания, изгнания)], хотя некоторые исследователи утверждают, что чувство справедливости либо его зачатки, слабые проявления свойственны обыкновенным шимпанзе (*pan troglodytes*), без которых они бы не зародились.

Общественный образ жизни и социальность по мере эволюции естественным путем привели человека к ограничению своего эгоизма, к учету интересов других людей, к сопереживанию, к общению с окружающими на началах взаимности и по определенным общим и взаимовыгодным стандартам и нормативам. Ограничение человеческого эгоизма и вседозволенности стало почвой для появления справедливости как понятия о должном. Главное социальное качество и назначение справедливости как добродетели заключается именно в ограничении эгоизма: она позволяет ограничить каждого человека ради других людей, так как они ограничиваются ради него. Постепенно нравственные воззрения и моральные идеи превратились в неизменные ориентиры, критерии и стандарты человеческого поведения.

Именно возникшие и укоренившиеся в сознании людей в процессе эволюции нравственные представления о справедливости сравнительно рано укротили и лимитировали месть, возвели ее в определенные рамки и подчинили определенным правилам, одним из которых было правило талиона – грубое, примитивное, но доступное и понятное каждому человеку выражение карательной справедливости. Запечатленная в талионе идея равенства обуздывает порождаемые преступлением у потерпевшей стороны и у общественности страсти, эмоции и чувства возмущения, гнева, обиды, мщения и удерживает карательную энергию общества в известных всем пределах, тем самым

защищая преступника как от произвола и субъективизма в определении наказания, так и от использования карательного мультипликатора или же коэффициента устрашения [примечательно, что, когда советские военнослужащие и юристы спрашивали американских, зачем была осуществлена унесшая сотни тысяч жизней мирных жителей Японии ядерная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки, в которой не было никакой практической необходимости и которая не была актом справедливого возмездия (воздающей справедливости), а была по сути безнравственным и бесчеловечным деянием, те прямо объяснили ее применением «коэффициента устрашения» (с запланированным эффектом, рассчитанным как на Японию, так и, как выяснилось, на СССР)].

Согласно данным антропологов, справедливость играла важную роль в естественном отборе как основном факторе эволюции: сообщества архаических людей (первобытные общины и племена), у которых она сформировалась и была развита в большей степени и которые более строго придерживались первых представлений о ней, получали преимущества в выживании, подтверждая тем самым закон естественного отбора, согласно которому в процессе эволюции выживает не наиболее сильный, а наиболее приспособленный. Советские ученые из Института биологии развития АН СССР и Института общей генетики АН СССР (Н. П. Дубинин, В. П. Эфроимсон и др.) пришли к выводам о том, что стремление к справедливости в процессе социального и биологического развития человека перешло не только на бессознательный уровень (человеческий мозг бессознательно формирует интуитивные образы справедливости уже в условиях потенциальных конфликтов; даже не обладающие развитым сознанием дети дошкольного возраста ощущают нарушения справедливости), но и на генетический уровень [5], а современные нейробиологи обнаружили и описали ряд связанных с эмоциональной сферой человека участков мозга, которые отвечают за чувство справедливости [6, с. 1092–1095]. Без этой эмпирической основы, однако будучи полностью уверенным в своих словах, Ф. Р. К. фон Биркмайер 22 февраля 1901 г. на собрании Мюнхенской юридической ассоциации сказал: «Но это неистребимое убеждение в том, что преступник должен быть наказан и что только возмездие справедливо, имеет свое глубочайшее основание в самой природе человека. В нашей чувственной природе одним из самых элементарных и мощных побуждений является стремление к возмездию...» [7, с. 73].

Из самой связанной с психологически обусловленным стремлением к справедливости возмездной сущности наказания вытекает такая цель уголовного наказания (так как восприятие обществом актов возмездия порождает именно такой результат в виде социально-психологической реакции, отклика), как ликвидация (снятие) общественного возмущения (также часто определяемого в психологической литературе как недовольство, негодование, неодобрение, раздражение, осуждение, отвращение и пр.) преступлением, которая в XIX в. кратко обозначалась как удовлетворение народного (общественного) чувства справедливости, включая и таковое у потерпевшей стороны, а в настоящее время интерпретируется как восстановление социальной справедливости (попытка представить его как некое коллективное (социальное) чувство мести беспочвенны, так как эта основанная на всеобщих моральных представлениях о должном и недожном, о добре и зле, на социальных чувствах справедливости, сопричастности, гражданственности, общественном правовом сознании и человеческой солидарности (суть которых удачно выражена в проповеди английского поэта и священника XVII в. Д. Донна: «Нет человека, который был бы как остров, сам по себе, каждый человек есть часть материка, часть суши; и если волной снесет в море береговой утес, меньше ста-

нет Европа, и так же, если смоем край мыса или разрушит замок твой или друга твоего; смерть каждого человека умалывает и меня, ибо я един со всем человечеством, а потому не спрашивай, по ком звонит колокол: он звонит по тебе») реакция несводима и весьма далека от некоей потребности в мести либо чувства мстительности). В этом также проявляется важное практическое значение принципа воздающей справедливости, имеющего под собой твердые и формировавшиеся веками психологические основания. Немаловажно то, что составной частью этого коллективного отрицательного чувства являются и порожденные преступным актом негативные эмоции и переживания потерпевшей стороны как частицы общества, которые также подлежат нейтрализации (в настоящее время отдельная цель удовлетворения потерпевшего в большинстве государств перед уголовным наказанием небезосновательно не ставится, однако этот факт время от времени учащает в научной среде упреки в том, что современное уголовное законодательство самое большое внимание уделяет преступнику, тогда как фигуре потерпевшего им внимания уделяется мало и недостаточно). Причем подлежащее снятию посредством акта возмездия и основанное на задетых духовно-нравственных и социально-этических чувствах общественное недовольство порождает и поддерживает не только само совершенное преступление, но и отсутствие должного и соответствующего ему наказания, безнаказанность или необоснованные и несправедливые индульгенции. Необходимость достижения такого социально-психологического результата, связываясь с задачами и интересами государства по охране общества и самого себя от преступлений, подчеркивает и оттеняет обязанность государства наказывать, удовлетворяя тем самым ожидания и чаяния общества.

Однако цель морально-нравственного и психологического удовлетворения, конечно же, не единственная, а уголовное наказание не может быть самоцельным или бесцельным, то есть не иметь никаких практических целей (как считали некоторые разработчики абсолютных теорий, включая тех, которые называли описанную выше цель не целью, а приводящим моментом, внешним (сопутствующим, побочным) эффектом, эпифеноменом или модусом (случайным свойством) уголовного наказания). Р. фон Иерингу удалось убедительно показать, что цель есть «творец всякого права» и не существует такого правового института, который был бы не связан своим происхождением с какой-либо целью [8]. Основные утилитарные цели уголовного наказания – генеральная и частная превенция (они, по нашему мнению, достигаются не столько законодательным установлением адекватной (соответствующей всем параметрам того или иного преступления) угрозы наказания и ее корректировкой с учетом постоянной социальной динамики, сколько упорным и непрерывным обеспечением и практическим подтверждением идеи неизбежности (неотвратимости) наказания, которым в большой степени потворствует научно-технический прогресс – развитие и появление новых возможностей в криминалистике (экспертиза ДНК и др.) и оперативно-розыскной деятельности, дополняемые не выделяемым, как правило, в законе обезвреживанием [лишение преступника объективной возможности совершать преступления (например, посредством строгой изоляции)] и самой трудной в плане реализации целью – исправлением (в советском уголовном законодательстве также выделялась цель перевоспитания, а в мировой доктрине – коррекции (поведения, мышления) и приспособления к условиям социальной жизни) преступников, распадающимся на наиболее сложное в части достижения нравственное (глубокое, внутреннее) исправление, изменение мировоззрения, жизненных ценностей и идеалов, моральное преобразование и юридическое (граждан-

ское, внешнее) исправление, предполагающее только правопослушание, правоподчиненность, формальное соблюдение требований и условий общежития.

Возмездная сущность наказания не исключает учета личности виновного при определении меры наказания (если это не нарушает границ соответствия), включая и такую ее позитивистскую (детерминистскую) характеристику, как «общественная опасность». Однако следует подчеркнуть, что об общественной опасности личности можно судить лишь по ее деяниям и по их общественной опасности и неоднократности (рецидиву): человека объективно и верно характеризуют лишь его дела, каждая личность проявляет себя в поведении, в поступках (преступные мысли, желания и намерения в современном праве оправданно ненаказуемы) без таковых, нарушающих закон, о ее общественной опасности можно лишь догадываться, безошибочно предполагать, что не может быть отнесено к ориентирам и основаниям ни в сфере карательной деятельности, ни в сфере права в целом. В XVIII–XIX вв. некоторые немецкие ученые-криминологи (Г. А. К. Клейншрод, К. Г. Конопак и др.) предлагали к людям, не признанным виновными в совершении конкретных преступлений, однако находящимся под подозрением, неблагонадежным, «с дурной репутацией» применять не уголовные наказания, а профилактические меры безопасности [суть которых в целом не отличалась от некоторых форм наказания и мер пресечения (например, залога)], что на практике оборачивается все тем же юридическим произволом, попранием принципа *praesumptio innocentiae* и несправедливостью.

От таких не основывающихся на виновности «мер безопасности» следует отличать меры безопасности, согласующиеся с основанием уголовной ответственности. Этот институт во многом благодаря Ю. С. Макаревичу, называвшему основанием уголовной репрессии вину и общественную опасность деяния, впервые был закреплен в УК Польши 1932 г. (Кодексе Макаревича). Данные меры безопасности применяются в настоящее время в ряде европейских стран: в частности, в Норвегии используется сдерживание, продление срока лишения свободы на пять лет осужденным, сохраняющим общественную опасность (количество таких продлений не ограничивается, и, так как максимальный срок лишения свободы в Норвегии по Общегражданскому уголовному кодексу составляет 21 год (пожизненное лишение свободы предусмотрено только в Военном уголовном кодексе), оно с большой долей вероятности будет применяться к неонацисту А. Б. Брейвику, убившему в ходе террористических актов 77 человек). К мерам безопасности, известным действующему российскому уголовному законодательству, некоторые ученые относят не являющиеся разновидностью уголовного наказания принудительные меры медицинского характера, которые назначаются лицам, представляющим опасность для общества, даже при отсутствии вины ввиду их невменяемости.

Виды и размеры наказания в санкциях статей уголовного закона устанавливаются исходя из объективных и субъективных элементов конкретного преступления, степени и характера общественной опасности того или иного криминального акта (важности охраняемого законом блага и т. д.), которое при его совершении либо покушении на него обнаруживает, выказывает и «объективирует» такую несводимую к виновности категорию, как «общественная опасность личности» (*temibilità* в терминологии Р. Гарофало) учинившего его (только преступное деяние (включая неоконченное), а не чьи-либо наблюдения, предположения и диагнозы, может доподлинно сделать личность опасной для общества), и исключительно по этим параметрам можно ее постулировать, взвешивать и оценивать уровень «нравственно-правового падения» личности, иное грозит

субъективизмом, произволом, чрезмерно широким диапазоном усмотрения, нарушением прав человека и этических норм в уголовно-правовой и пенитенциарной сферах, как, заметим, и предложения определять меру уголовного наказания по выраженности в человеке криминальных наклонностей (криминальной установки), интенсивности и силе преступной (злой) воли, степени преступного (опасного) состояния и т. п. (их формулировали представители социологического и антропологического направлений в позитивизме, настаивающие на том, чтобы решающее значение при определении вида и размера уголовного наказания имели мировоззренческая позиция виновного, его правосознание, личное отношение к закону и правопорядку, репутация, наличие или отсутствие рецидива и ожидаемое от него поведение в будущем).

Индивидуализация наказания исходя из личностных особенностей преступника, а равно достижение целей исправления и специальной превенции вполне возможны и допустимы в рамках низшего и высшего лимитов уголовного наказания – значений, задающихся идеей соразмерности (соответствия), то есть при соблюдении последних (примером этому из сферы действующего права служит назначение наказания преступникам-рецидивистам: оно является более строгим, однако не выходит за пределы, предусмотренные законодателем). Заметим, что в части индивидуализации наказания отечественный законодатель закрепил исключительную норму, позволяющую назначить наказание даже ниже низшего предела при наличии «исключительных обстоятельств, связанных с целями и мотивами преступления, ролью виновного, его поведением во время или после совершения преступления, и других обстоятельств, существенно уменьшающих степень общественной опасности преступления» (в уголовном праве Франции такой законодательный подход возник еще в период реформы 1832 г.). Однако это исключение не попирает возмездную сущность наказания, не нарушает принцип соразмерности и идею справедливости, так как необходимым условием его применения является не просто наличие каких-либо исключительных обстоятельств, связанных с личностью виновного (его целями, мотивами, поведением и пр.), а наличие обстоятельств, существенно уменьшающих степень общественной опасности преступления, снижение таковой, согласно той же идее соразмерности (соответствия) и принципу воздающей справедливости, должно повлечь за собой снижение объема наказания, так как он в каждом случае должен соизмеряться и приводиться в соответствие с общественной опасностью конкретного преступления, поэтому нижний предел наказания в данном исключительном случае по ретрибутивистской логике и схеме возмездия (исключающей понимание высшего и низшего пределов как некоего прокрустова ложа) должен быть сдвинут еще ниже.

Последний пример с исключительными обстоятельствами интересен еще и тем, что он демонстрирует возможность реализации цели специального предупреждения (частной превенции) путем индивидуализации наказания без ущерба не только принципу справедливости, но и преследованию цели общего предупреждения (генеральной превенции), так как снижение предела наказания не препятствует предупреждению совершения преступлений гражданами, не имеющими опыта преступного поведения. Суть цели генеральной превенции заключается не в устрашении населения за счет строгости уголовного наказания, а в воздействии на сознание людей путем формирования в нем неразрывной ассоциативной связи между преступлением и наказанием за него – стойкого убеждения в том, что любое преступление будет рано или поздно должным образом, справедливо наказано и поэтому от преступного поведения следует непре-

менно воздерживаться. Данное внутреннее убеждение играет очень важную роль, так как влияет на восприятие человеком действительности, а также предопределяет выбор и направляет его поведение в конкретных ситуациях.

Принцип дифференциации и индивидуализации наказания без нарушения принципа справедливости (равновозмездности) реализуется не только при назначении наказания в рамках его низшего и высшего пределов, но и при установлении последних: например, российское уголовное законодательство не предусматривает пожизненное лишение свободы для женщин, а также закрепляет, что срок лишения свободы для несовершеннолетних не может превышать десять лет. Главное то, что без выхода за указанные пределы (в их демаркационном диапазоне) и без нарушения за счет этого принципа воздающей справедливости может не только соблюдаться важный принцип индивидуализации уголовного наказания (преследующийся как при его назначении, так и при его исполнении в русле платоновского «не всем одно и то же, а каждому свое, ибо для неравных равное стало бы неравным»), но и преследоваться выведенные и защищаемые пенологами-утилитаристами (но только правомерные и допускаемые моралью) прагматические задачи, вытекающие из основной цели противодействия преступности, – общего и специального предупреждения, в том числе и сложная задача нравственного (внутреннего) исправления осужденных.

Подчеркнем, что в рамках устанавливаемых возмездным принципом высшей и низшей границ утилитарные цели без ущерба для первого не только могут, но и должны преследоваться, раскрывая тем самым весь потенциал уголовного наказания. В этих же рамках может эффективно применяться и институт условно-досрочного освобождения, играющий существенную роль в исправлении осужденных и формировании у них привычки дисциплинированного и законопослушного поведения (установленные российским законодателем в ч. 3–5 ст. 79 УК РФ сроки, только после фактического отбытия которых судом может быть применено условно-досрочное освобождение, призваны обеспечить соблюдение принципа справедливости).

Предложенный нами подход снимает противоречие, которое некоторые исследователи усматривают в ч. 2 ст. 43 УК РФ, закрепляющей, что «наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений», и постулируют невозможность достижения всех этих целей при сохранении возмездной сущности уголовной репрессии. Утилитарные цели наказания достигаются прежде всего не за счет изменения (которое, конечно, в ряде случаев может быть условием их достижения либо обстоятельством, способствующим этому) размера уголовного наказания, а за счет правильного выбора и изменения его содержания и способа исполнения, то есть его конкретного вида, характера, места, обстоятельств и условий отбывания и др. Например, преследуя цель исправления и частной превенции в отношении состоятельного преступника и ориентируясь на сказанные еще Г. Гроцием слова о том, что «денежная пеня, тягостная для бедного, ничего не значит для богатого» [9, с. 554], разумно заменить материальную (денежную) санкцию на наказание личного характера либо скомбинировать эти два вида, сохранив при этом требуемое справедливостью соответствие наказания тяжести им содеянного. Возможность достижения прагматических целей уголовного наказания за счет изменений качественных характеристик последнего связана с тем, что хотя принцип возмездия простирается не только на количественную, но и на качественную сторону наказания (формируя диапазон соответствия в каждой из

них), он не требует применения за определенные преступления строго определенных видов наказания (если в кантовской и гегелевской теориях возмездия убийство человека безапелляционно требовало исключительно высшей меры наказания – смертной казни, то наше понимание возмездной сущности наказания допускает в этом случае соблюдение принципа воздающей справедливости применением лишения свободы, включая пожизненное за квалифицированные виды убийства).

Идея возмездия очень прочно укоренена эволюцией в этических, психологических и ментальных пластах человеческой цивилизации, о чем свидетельствует исторический опыт: человечество и сегодня не может отступить от нее в сфере уголовного наказания при всем желании и настойчивых требованиях отдельных пассионариев и социальных демиургов; не только самые смелые и дерзкие попытки консеквенциалистов и иных ее противников и отрицателей низложить ее на практике, отринуть и отойти от нее в реальной жизни, но и скромные aberrации и отступления оборачивались болезненными для социума провалами, острыми проблемами, разочарованиями и крахом, а сами реформаторы и экспериментаторы чаще всего быстро отправлялись в отставку, подвергались люстрации, гонениям, гневным упрекам и обвинениям (включая развивающие известный афоризм английского литератора С. Джонсона «благими намерениями вымощена дорога в ад») и пр. Более века назад антигегельянец Г. Еллинек и его сторонники называли ее «спекулятивным вымыслом», «софизмом», «варварством», «архаикой», «мифологемой», а В. С. Соловьев – «поразительной диковинкой в богатой кунсткамере человеческих заблуждений», однако она до сих пор является повсеместными стержнем и опорой уголовной репрессии, подтверждая как сделанное Й. Наглером во времена Г. Еллинека пророчество о том, что, «пока не изменится природа человека, мы будем применять уголовное право, основанное на возмездии (*Vergeltungsstrafrecht*)» [10, с. 152], так и слова философа и идеолога либертарианства М. Ротбарда: «Возмездие остается нашей единственной справедливой и жизнеспособной теорией наказания и равное наказание за тождественные преступления является фундаментом такого возмездного наказания. «Варварское» оказывается справедливым, в то время как «современное» и «гуманное» оказываются гротескными пародиями на правосудие» [11, с. 96].

Так как идея справедливости (соответствия) оберегает карательную сферу от размывания границ и лимитов, произвола, злоупотреблений и различного рода излишеств в лишении и ограничении прав наказываемых (по сути идея справедливости и принцип возмездия предотвращают перерождение наказания в преступление-метаморфозу, которую можно наблюдать в истории права в периоды их попражнения и отвержения, когда не только деспоты, тираны и их палачи, экзекуторы и каратели, но и различного рода «экспериментаторы», «опытники», «архитекторы и конструкторы реформ уголовной наказания» сами обоснованно объявлялись преступниками и подлежали законному преследованию), можно заключить [вопреки сторонникам доктрин полезности, противопоставляющих принцип общественной пользы принципу справедливости либо утверждающим, что только польза делает наказание справедливым (должным, социально и нравственно оправданным)], что классическое уголовное наказание полезно для общества уже потому, что оно справедливо [что к нему бескомпромиссно предъявляется такое требование, что оно всегда и без исключений должно быть справедливым (соразмерным, соответствующим)], и что наказание ценно уже тем, что выражает собой стремление к справедливости как идеалу, абсолюту и высшей общечеловеческой ценности (конечно, в ходе этого бесконечного стремления возможны отдельные недочеты, ошибки и

недоработки, так как феномен преступности многолик, чрезвычайно разнообразен и динамичен, однако это не отрицает идею воздающей справедливости и возможность соразмерять наказание с преступлением). В то же время такой объем полезности для уголовного наказания недостаточен, если наказание закреплено в законе и назначается за преступления справедливо, но на практике не приводит к таким ожидаемым от него государством и обществом результатам, как предупреждение совершения новых преступлений и исправление преступников, оно теряет целесообразность и становится в профилактическом отношении почти что бесполезным, так как не защищает общество от криминальной угрозы, не сводит ее к социально приемлемому минимуму.

Не отрицая историческую динамику морально-нравственных ценностей, их естественную изменчивость, заметим, что представления о справедливости как соответствии поступка и воздаяния за него отличают вневременной, неизблемый характер, они не меняются тысячелетиями (даже на самых ранних ступенях развития – во времена архайки (дикости, варварства) человеческий коллектив не позволил бы никому убивать, калечить или изгонять других за что-либо, не представляющее для его членов серьезной опасности, – обратное означало бы для него пагубную аномию, самоуничтожение и неуклонно привело бы к исчезновению такой социальной единицы: не безмерное деструктивное насилие и иллюзорное гоббсовское *bellum omnium contra omnes*, а распределение ресурсов, сплоченность, сотрудничество и взаимное содействие помогали людям выживать и развиваться; средневековая практика сжигания ведьм и колдунов, которую критики идеи справедливости часто упоминают как пример «мракобесия и нелепых заблуждений, выдаваемых за справедливость», также не нарушала принцип соответствия: в ту пору она считалась необходимой и справедливой, так как основывалась на искреннем убеждении и непритворной вере в то, что казнимые действительно способны вызвать эпидемии (мор), неурожай, падеж скота и т. д., то есть крайне опасные для общества бедствия, а потому наказание соответствовало этой опасности), от исторической эпохи зависит не само соответствие, а лишь эталоны данного соответствия (например, в древнюю эпоху представления о справедливости требовали буквально (симметричного) соответствия по принципу талиона, а в современную нам мерилом (эталоном) соответствия является срок изоляции от общества, размер штрафа и т. д.).

Под изменения этих ценностных эталонов по мере социально-культурного развития общества государство подстраивает содержание уголовного наказания (меняет его виды (их принцип возмездия не предопределяет и не консервирует) и их интенсивность, условия исполнения и пр., причем в текущий период они все больше выбираются и варьируются в зависимости от индивидуальных особенностей наказываемых), а потому его формы и способы постепенно смягчаются по мере общественного и морального прогресса. В настоящее время параметры меры уголовного наказания и эталоны для его соотнесения с преступлением не абсолютны, а принцип воздающей справедливости удовлетворяется не стремлением к тождеству и буквальной симметрии наказания и преступления (как при следовании закону талиона), а их эквивалентным, пропорционально-ценностным соотношением, адекватностью наказания его основанию – криминальному акту – в рамках его низшего и высшего пределов, устанавливаемых исходя из современных нравственных, культурных и общественно-политических представлений и взглядов на характер и степень общественной опасности тех или иных преступных деяний.

Примечателен тот факт, что, критикуя гегелевскую традицию и ретрибутивизм в целом за невозможность (которую постулировали правоведы К. Биндинг, Б. Н. Чичерин,

Ф. Эткер и др.) указания четких, устойчивых, универсальных критериев (формулы, шаблона) определения меры наказания, его отвечающих императиву воздающей справедливости минимума и максимума, утилитаризм, подчиняя уголовное наказание принципу пользы, сам не предлагает никаких таких четких и строго определенных критериев и стандартов, кроме того, что они должны задаваться трудноуловимыми «пределами достижения полезных целей» и «достаточностью» [как и позитивизм в криминологии не смог дать четких критериев установления, градации и оценки внутренней «общественной опасности» личности, потому как при оценке проявлений преступного установить и взвесить их внутренние (субъективные) моменты (тем более предполагаемые) гораздо сложнее, чем внешние (объективные)], оказываясь в данном вопросе на ниве все той же неопределенности и относительности, которая привела к использованию отвергнутой пенитенциарной практикой модели неопределенных приговоров (один из сторонников этой системы – немецкий психиатр Э. Крепелин утверждал, что суд вообще не должен заранее устанавливать какой-либо размер наказания, а общество должно самоограждаться от преступников, пока они для него опасны).

Производимая пенологами-утилитаристами замена справедливости по причине ее трудноуловимости на достаточность не решает проблему, а лишь усугубляет ее, так как достаточность точно такая же трудноуловимая категория: никто не может четко и определенно сказать, будет ли достаточным то или иное уголовное наказание или нет. Это подтверждает не только пенологическая наука, но и многовековой пенитенциарный опыт наличия большого числа рецидивных преступлений во все времена применения уголовных наказаний и их всевозможных моделей (устрашения, предостережения (удержания), покаяния, коррекции, некарательной терапии и др.).

Последствия замены принципа возмездного равенства на утилитарный принцип пользы и подчинение карательной деятельности одной лишь цели превенции можно проиллюстрировать следующим простым примером: один коррупционер украл из бюджета 10 тыс., другой – 10 млн (установленная в законе угроза достаточного наказания ни того, ни другого не остановила), цель утилитаристов, отрицающих идею возмездия (равенства) наказания, чтобы ни тот, ни другой более не совершали преступлений, а так как они совершили свои деяния с одинаковыми установками, мотивами, целями, способами и прочими обстоятельствами (просто одному удалось украсть больше, а другому в силу каких-то объективных причин меньше (если бы этих причин не было, он украл бы больше, те же 10 млн), то они вполне могут быть наказаны абсолютно одинаково и подвергнуться идентичному достаточному для достижения исправления и цели частной превенции принудительному воздействию, ведь требование равенства преступления и наказания, как считал С. В. Познышев, – неосуществимая, безнравственная и ложная фикция, лишенная всяких оснований и не имеющая под собой почвы [12, с. 58; 13, с. 3–4], главное, чтобы они оба исправились (с минимально возможными затратами на них, тяготами, страданиями и пр.) и никто более не совершал преступных деяний; принцип же воздающей справедливости требует, чтобы укравший 10 млн был наказан значительно строже, чем укравший 10 тыс., только так будет восстановлена социальная справедливость, уголовное наказание не должно исчерпываться одним лишь исправительным воздействием на преступника.

Можно привести и другой пример, показывающий, к чему может привести отказ от принципа возмездного равенства в пользу утилитарного принципа пользы. По данным общемировой уголовной статистики, гораздо большее число людей гибнет в результате

нарушений водителями правил дорожного движения, нежели из-за убийств, квалифицируемых в России по ст. 105 УК РФ. Согласно утилитаристской парадигме (доктрине полезности), так как первый вид криминального поведения гораздо более распространен, вредоносен и опасен для жизни людей, нежели второй вид криминального поведения (среднестатистический человек со значительно большей вероятностью будет лишен жизни по неосторожности водителем-нарушителем, нежели умышленным хладнокровным убийцей), то самые суровые санкции и строгие уголовные наказания в качестве сдерживающих факторов и предупредительных средств должны быть применены в отношении водителей, так как именно от их действий общество терпит наибольший вред, неся внушительные людские потери. Согласно принципу воздающей справедливости такой разрыв с учетом характеристик и компонентов вины и особенностей личности преступника несправедлив и недопустим.

Вторым по частоте и распространенности после релятивистских нападок на справедливость у пенологов-консеквенциалистов является довод о том, что преступление и наказание как разнопорядковые, разнородные феномены являются несоизмеримыми. Однако этот аргумент также не выдерживает критики: во-первых, нельзя не признать правоту Г. В. Ф. Гегеля в том, что преступление и уголовное наказание за него всегда могут быть соизмерены и соотнесены в ценностном отношении, во-вторых, данным соизмерением, установлением и приложением ценностных эквивалентов в области уголовного правосудия юридическая практика занимается еще со времен появления талиона – этой первой, простейшей и примитивной формулы воздающей справедливости и вплоть до настоящего времени (именно поэтому в современных уголовных кодификациях преступления небольшой и средней тяжести влекут за собой соответствующие им мягкие наказания, а тяжкие и особо тяжкие преступления – соответствующие им строгие наказания и т. д.).

По всегда вызывавшему большие сложности, дискуссии и споры вопросу об определении меры и низшего и высшего пределов уголовного наказания (удовлетворяющих идею возмездия и принцип справедливости конкретных минимума и максимума наказания, в диапазоне которых можно преследовать утилитарные цели) мы вслед за Г. В. Ф. Гегелем и его последователями, указывавшими, что в области внешнего мира невозможны никакие абсолютные определения, считаем, что вопрос о мере уголовного наказания и четких критериях соответствия последнего параметрам (тяжести, опасности и пр.) преступления не может быть разрешен теоретически: в нем пенологическая наука может предоставить только некоторые основы, начала и ориентиры.

Определить соотношение между преступлением и наказанием с исключительной точностью невозможно, в этой области может иметь место лишь приблизительный масштаб, который определяется с опорой на текущую, насущную оценку степени и характера общественной опасности того или иного преступления, включая, как известно, характеристики субъекта преступления и его виновности. Отметим, что предпринимались как научные (например, расстрелянным по «Делу лицейстов» инженером-железнодорожником Н. Д. Оранжевым, который предложил математический метод (использованный впоследствии в разработках В. И. Курляндского) соизмерения преступлений и наказаний (прием шкалирования), основанный на придании всем преступлениям значения количественных эквивалентов сообразно имеющимся уголовным санкциям и применении для учета смягчающих и отягчающих обстоятельств специальных коэффициентов [14], К. С. Цахариэ фон Лингенталем, который, в частности, предлагал определять срок ли-

шения свободы временем, необходимым работнику для того, чтобы заработать денежную сумму, равную сумме, в которую переведен причиненный преступлением вред), так и законодательные (например, в проекте Уголовного уложения Пруссии 1851 г. и проектах законов других немецких государств) попытки выработать четкие критерии такого соизмерения, которые оказались нежизнеспособными и не были восприняты ни практикой, ни законодателями.

О том, что определение соотношения между наказанием и преступлением есть истина неабсолютная, интуитивная, условная и приблизительная, помимо представителей гегельянства, не раз писали многие выдающиеся отечественные ученые (Н. А. Беляев, М. И. Ковалев, М. Д. Шаргородский и др.). Добавим, что данное соотношение обуславливается как наличными представлениями и насущными воззрениями: социально-политическими, духовно-религиозными, культурно-правовыми и пр. (именно поэтому в одни исторические эпохи какое-либо определенное преступление наказывалось строже, а в другие мягче, что, однако, не отрицает соблюдения в каждую из этих эпох принципа меры стремления обеспечить соответствие между преступлением и его текущей оценкой, выражающейся в наказании), так и вневременными и общечеловеческими (элементарными, базовыми) нравственными представлениями об обязательности меры, соразмерности, которые содержатся внутри единого цивилизационно-культурного наследия и отражены в индивидуальных моральных убеждениях – совести каждого человека (именно поэтому раскаявшиеся и являющиеся с повинной под гнетом угрызений совести преступники просят наказать их не как попало, а соразмерно тяготящей их вине, рассматриваемой современными специалистами не только как причина душевных мук и страданий, но и как разрушительное для психики чувство, которое провоцирует психосоматические расстройства). При этом нельзя также не учитывать силу исторически сложившихся юридических обыкновений того или иного народа и фактор преемственности с нормами, длительное время существовавшими в уголовном законодательстве, и предшествующей юридической практикой: мера наказания устанавливается в том числе и на основании накопленного тем или иным обществом карательного опыта; традиции, нравы и иные особенности этого общества также оказывают влияние на представления о мере уголовного наказания. В этом отношении убеждены, не следует игнорировать и пренебрегать общественным мнением, оно имеет важное значение для реализации образцов и идеалов справедливости в области уголовного права, играет роль индикатора социальных нужд и потребностей, обнаруживает ценностные приоритеты, интересы и стремления граждан страны и дает представления государству о «социальном заказе», актуальном для общества в области правоохранительной деятельности. По этому поводу в работе «О возмездном характере уголовного наказания» А. Л. Ременсон писал: «...позиция суда должна заключаться в том, чтобы он назначал справедливые наказания, то есть соответствующие морали и правосознанию масс, удовлетворяющие представлениям масс о справедливости... И не бояться общественного мнения, а, наоборот, чутко прислушиваться к нему и правильно его выражать такова задача суда, призванного осуществлять должное возмездие преступникам» [15, с. 92].

Уголовное наказание направлено как в прошлое (стремится справедливо воздать за содеянное и подтвердить тем самым обязательность соблюдения закона, не допустить безнаказанность как существенный криминогенный фактор), так и в будущее (стремится предотвратить возможные, новые и повторные преступления). Преследуя цели общей и частной превенции, наказание в первую очередь направлено на область волевой дея-

тельности людей – как преступника, так и обычных граждан, его задача в этой сфере – сдерживать и не допустить проявления криминальных намерений и желаний. В данном случае для неустойчивых (сомневающих, недобропорядочных, предрасположенных к нарушению закона и т. п.) индивидов каждый акт наказания выступает примером того, что преступное поведение опасно и невыгодно для них. В то же время эти акты оказывают воздействие и на законопослушных и высокоморальных людей – укрепляют в них веру в торжество справедливости, ощущение защищенности со стороны государства и чувство безопасности. Эффекты наказания, обозначаемые как общая превенция и специальное предупреждение и рассматриваемые сегодня в качестве его законодательных целей, являются сопричастными возмездной сущности уголовного наказания, они присутствовали в нем на самых ранних этапах применения института наказания. М. Д. Шаргородский, относивший возмездие не к сущности, а к целям наказания, абсолютно верно подметил, что «когда общество, применяя наказание, ставило перед собой цель возмездия или цель возмещения вреда, то эти системы... объективно всегда оказывали и оказывают общее и специальное предупреждающее воздействие, оно было имманентно наказанию уже тогда, когда законодатель еще не отдавал себе отчета в этом его свойстве» [16, с. 16].

Соблюдая принцип соответствия (соразмерности, пропорциональности), следует стремиться к достижению различных утилитарных целей: целей общего и специального предупреждения, часто выделяемой релятивистами в отдельную (нередко – второстепенную) цель удовлетворения интересов потерпевшего (заглаживание, успокоение и удовлетворение его порожденных преступлением эмоций, чувств (ущемленного права, личного достоинства и пр.) и связанных с ними притязаний (но опять же не гневом-мстительного чувства, а колеблющего веру в закон и право чувства нарушенной справедливости, желания ее восстановления, торжества, утоление которого, наоборот, устраняет стремление к личной мести, к самосуду, к самоуправству), подкрепление в нем уверенности в надежной защите его правовых благ уголовным правом, компенсация его потерь и т. д.) и общества (снятие и нейтрализация негативных переживаний и возмущения, порожденных преступлением у общественности путем удовлетворения чувства справедливости, восстановление социальной справедливости в глазах народа). Частная превенция осуществляется путем исключения физической возможности совершить повторное преступления (имеет место при смертной казни, лишении свободы, включая пожизненное, аресте, химической кастрации и пр.), посредством исправления (перевоспитания) и за счет формирования у наказанного внутреннего страха (опасения) вновь подвергнуться наказанию [в психологии результаты этих мер формируют известную триаду: *non potest – non vult – non audeat* (не может – не хочет – не смеет)], а общая – путем четкого и ясного закрепления и непрерывного, наглядного (поэтому в предупредительной деятельности большую роль играют средства массовой информации, так как каждодневно наблюдаемое торжество воздающей справедливости в виде налагаемых на преступников заслуженных наказаний лучше всего закрепляет в массовом сознании представления о недопустимости криминального поведения) обеспечения – не потенциальной и абстрактной, а вполне реальной угрозы наказания (этим достигается не столько цель устрашения, сколько цель общественного воспитания, подчеркиваются, подтверждаются и укрепляются в общественном сознании опасность, недозволенность и недопустимость запрещенных под угрозой уголовного наказания вредоносных деяний), за счет неотвратимости и достаточной суровости наказания.

В заключение отметим, что цель общественной пользы нельзя превращать в какое-либо стремление извлечь посредством уголовного наказания виновного пользу для государства или общества (материальную, экономическую, практическую и пр.). Эта цель заключается в том, чтобы принести пользу в первую очередь самому осужденному как частице социума, исправить его и превратить в добропорядочного гражданина (приговоренные к лишению свободы, как известно, рано или поздно вернутся в общество, и прежде всего от того, как относились к ним в изоляции и подготовили к возвращению в социум, зависит их поведение на свободе и тем самым благополучие и безопасность общества). В этом прежде всего, как мы полагаем, выражается польза обществу.

Список источников

1. Геймбергер Й. Что такое справедливость с точки зрения уголовного права? СПб., 1904. 32 с.
2. Артеменков М. Н. Утилитарная теория наказания и ее роль в формировании современной пенитенциарной системы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 3. Ч. 1. С. 17–20.
3. Hart, H. L. A. 1968, *Punishment and Responsibility: Essays in the Philosophy of Law*, Oxford University Press, Oxford.
4. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935. Т. 1. 1562 с.
5. Эфроимсон В. П. Генетика этики и эстетики. СПб., 1995. 279 с.
6. Hsu, M., Anen, C. & Quartz, S. 2008, 'The Right and the Good: Distributive Justice and Neural Encoding of Equity and Efficiency', *Science*, iss. 320, pp. 1092–1095.
7. Birkmeyer, K. 1901, 'Gedanken zur Bevorstehenden Reform der Deutschen Strafgesetzgebung: vortrag gehalten in der Juristischen Gesellschaft München am Freitag, 22 Februar 1901, von Professor Dr. Birkmeyer in München', *Archiv für Strafrecht und Strafprozess*, pp. 67–100.
8. Иеринг Р. Цель в праве. СПб., 1881. Т. 1. 412 с.
9. Гроций Г. О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права. М., 1994. 868 с.
10. Nagler, J. 1911, *Verbrechensprophylaxe und Strafrecht*, W. Engelmann, Leipzig.
11. Rothbard, M. N. 1998, *The Ethics of Liberty*, New York University Press, New York, London.
12. Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права. М., 1912. 653 с.
13. Познышев С. В. Основы пенитенциарной науки. М., 1923. 343 с.
14. Оранжеев Н. Д. Преступление и наказание в математической зависимости: идея и схема ее применения. М., 1916. 69 с.
15. Ременсон А. Л. О возмездном характере уголовного наказания // Доклады по вопросам конкретной экономики и советского права. Томск, 1963. С. 86–93.
16. Шаргородский М. Д. Наказание по уголовному праву : в 2 т. М., 1958. Т. 2. Наказание по советскому уголовному праву. 239 с.

References

1. Heimberger, J. 1904, *What is justice from the point of view of criminal law?* St. Petersburg.

2. Artemenkov, M. N. 2011, 'The utilitarian theory of punishment and its role in the formation of the modern penitentiary system', *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice*, iss. 3, part 1, pp. 17–20.
3. Hart, H. L. A. 1968, *Punishment and Responsibility: Essays in the Philosophy of Law*, Oxford University Press, Oxford.
4. Ushakov, D. N. (ed.) 1935, *Explanatory dictionary of the Russian language*, in 4 vols, vol. 1, Moscow.
5. Efromson, V. P. 1995, *Genetics of ethics and aesthetics*, St. Petersburg.
6. Hsu, M., Anen, C. & Quartz, S. 2008, 'The Right and the Good: Distributive Justice and Neural Encoding of Equity and Efficiency', *Science*, iss. 320, pp. 1092–1095.
7. Birkmeyer, K. 1901, 'Gedanken zur Bevorstehenden Reform der Deutschen Strafgesetzgebung: vortrag gehalten in der Juristischen Gesellschaft München am Freitag, 22 February 1901, von Professor Dr. Birkmeyer in München', *Archiv für Strafrecht und Strafprozess*, pp. 67–100.
8. Hering, R. 1881, *Purpose in Law*, vol. 1, St. Petersburg.
9. Grotius, G. 1994, *On the law of war and peace. Three books explaining natural law and the law of nations, as well as the principles of public law*, Moscow.
10. Nagler, J. 1911, *Verbrechensprophylaxe und Strafrecht*, W. Engelmann, Leipzig.
11. Rothbard, M. N. 1998, *The Ethics of Liberty*, New York University Press, New York, London.
12. Poznyshev, S. V. 1912, *The basic principles of the science of criminal law. The General part of criminal law*, Moscow.
13. Poznyshev, S. V. 1923, *Fundamentals of penitentiary science*, Moscow.
14. Orangireev, N. D. 1916, *Crime and punishment in mathematical dependence: the idea and scheme of its application*, Moscow.
15. Remenson, A. L. 1963, 'On the retaliatory nature of criminal punishment', in *Reports on specific economics and Soviet law*, pp. 86–93, Tomsk.
16. Shargorodsky, M. D. 1958, *Punishment under criminal law*, in 2 vols, vol. 2, *Punishment under Soviet criminal law*, Moscow.

Информация об авторе

К. В. Корсаков – кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела права.

Information about the author

K. V. Korsakov – PhD (Law), Associate Professor, senior researcher at the law department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 02.07.2025; одобрена после рецензирования 14.09.2025; принята к публикации 24.11.2025.

The article was submitted 02.07.2025; approved after reviewing 14.09.2025; accepted for publication 24.11.2025.